
ПЕРСОНАЛИИ ТУЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

У ЭТИХ КНИГ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ (55 лет на литературном посту)

«Надо ли читать книги? Надо! Если хочешь стать умным (умной) и жить интересной полной жизнью — надо читать художественную литературу. Зачем? Книга развивает воображение, умение мыслить, чувствовать. Читатель скользит взглядом по строчкам, а мысленным взором видит героев книги, слышит их голоса, чувствует их радость или горе или иные чувства... И тем самым как бы подготавливает к большой жизни себя, воспитывая в душе и сегодняшние, и будущие чувства, которые делают жизнь духовно богатой и счастливой».

Эти слова принадлежат знаменитой тульской писательнице — нашему, я не побоюсь этого слова — классику Наталии Деомидовне Парыгиной. Любой уважающий себя житель тульского края, интересующийся его культурой, читал книги Парыгиной. Но даже если не читал — в магазинах эти произведения найти стало сложнее, а переиздавать проблематично, то, по крайней мере, непременно слышал это имя. Оно уже свыше полувека у всех на слуху.

В ноябре 2012 года в венеvской детской библиотеке открылась постоянно действующая экспозиция, посвященная творчеству Наталии Парыгиной. Инициаторами этого доброго дела стали заведующая областной детской библиотекой Надежда Александровна Зуева и заведующая сектором краеведения этой же библиотеки Татьяна Сергеевна Митина.

Связались с Наталией Деомидовной, чем порадовали писательницу: если организовываются выставки, значит, книги востребованы, получается, что в этом есть необходимость, произведения автора пользуются читательским спросом. Это ли не главное достижение — мечта любого писателя — видеть, что труд его жизни не напрасен, а актуален и по сей день.

Наталья Деомидовна приняла самое активное участие в подготовке экспозиции, написала пожелания юным читателям, поделилась мыслями о современной молодежи, рассказала о любимых ею с детства писателях, продемонстрировала свои первые книги. Идею о постоянной выставке реализовала заведующая веневской детской библиотекой Татьяна Константиновна Орлова. Подготовили место экспозиции: два стенда и пара столов, начали собирать книги писательницы.

Как выяснилось, на сегодняшний день у Натальи Деомидовны тридцать пять изданных книг, не считая многочисленных публикаций в коллективных сборниках, альманахах, журналах и газетах. Некоторыми изданиями поделилась областная детская библиотека; специально для выставки ряд изданий подарила писательница из своих архивов — с автографами, в которых ни разу не повторилась. Вот, что значит творческий профессионал! А самая первая книга «Записки педагога», вышедшая шестьдесят лет назад в Кемерово, оказалась в единственном экземпляре лишь у автора. Пришлось отсканировать.

Наталья Деомидовна — семейный писатель, много пишет о сложной судьбе людей, о любви, о труде врачей, о нелегкой жизни женщин, о подростках и о воспитании молодежи. Все это интересно старшему поколению, среднему и совсем молодым. Несколько книг Парыгиной, в том числе роман «Сын», затрагивают актуальную на сегодняшний день тему наркомании. Как молодые люди попадают в сети, из которых почти невозможно выпутаться. Роман «Любой ценой» — социальное произведение, отражающее нашу действительность, о реальных и мнимых ценностях, что выбрать: — богатства или нравственные принципы? Каждый решает для себя сам. Книга «Здоровье вашего малыша и школьника» интересна и молодым родителям, у которых только что появился ребенок, и тем семейным парам, кто только еще в ожидании этого радостного события.

Хотя Наталья Деомидовна не является коренным жителем нашего города, но с середины пятидесятих годов живет в Туле. Большая часть ее жизни и творческая деятельность протекает в наших краях, это наша тульская писательница. Ее книги выходили большими тиражами во многих городах Советского Союза, в том числе и в издательствах Москвы.

С детства маленькая Наталия привыкла к переездам. Вместе с родителями часто меняла место жительства и почти каждый учебный год начинался в новой школе: Читинская область, Бийск, Томск, Якутия, Сочи... все это представлено в разделе «Родные сердцу места», где карта страны, на которой помечены те самые места, где проживала будущая писательница, или где побывала уже писателем, встречаясь с читателями ее произведений.

Начинается выставка с фотографий семьи писательницы: отца, матери, сестры, дочери и внучки. Благодаря родителям, Наталия Деомидовна, переезжая с места на место, знакомилась с новыми людьми, набиралась опыта, впитывала знания, получала эмоциональный заряд, накапливала впечатления, которые в будущем ей пригодились, как писателю.

В экспозиции имеются другие разделы, где перечислены все книги и публикации автора, представлен список наград; приведены выдержки из писем друзей, однокурсников, поздравления, написанное тульскими писателями о Парыгиной.

Поскольку выставка открыта в детской библиотеке, то читателям интересно будет узнать: любимой книгой в детстве являлась «Каштанка» Чехова, любимым писателем — Горький, поэтом — Некрасов.

Часто писательница ездила в рабочие и творческие командировки от журнала «Крестьянка», где печатала очерки и рассказы, встречалась с интересными людьми, с настоящими тружениками. Побывала в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Башкирии... Эти материалы представлены в экспозиции.

В ноябре прошлого года Н. А. Зуева собрала заведующих детскими библиотеками со всей области и на примере Венева показала и рассказала, как можно и нужно — тем более что есть спрос — создавать такие постоянно действующие выставки в других районах, ведь тульская земля богата талантливыми писателями и поэтами. Экспозиция — это как маленький музей — будет пополняться и расширяться.

Открывала выставку начальник отдела по культуре венеvского района Наталья Викторовна Ермакова, сказавшая много добрых слов в адрес Наталии Деомидовны. Ведь в районной администрации есть люди, что не только слышали, но и росли на книгах Парыгиной. Надо сказать, что получился настоящий праздник. Этому подтверждением были те несколько книг, которые принесли люди старшего и среднего поколений, а одна женщина с гордостью показывала знаменитую «Вдову» с надписью автора лично для нее. Это ли не признание благодарных читателей?

Жаль, что сама Наталия Деомидовна не смогла присутствовать на открытии экспозиции, а то бы она увидела радостные глаза людей, для которых и были написаны эти романы, повести, рассказы. Люди помнят ее, книги востребованы, их сохраняют, дают читать детям и внукам.

Как сказала Т. С. Митина — это не окончательный вариант маленького музея, экспозиция будет постоянно расширяться.

С открытия экспозиции появилась специальная книга, куда записываются отзывы; посетители же предложили помещать в нее отзывы о книгах, воспоминания о теплых, душевных встречах с автором. В помещении детской библиотеки решено проводить выездные семинары для библиотекарей, а так же встречать коллег из соседних областей.

Этот год для Н. Д. Парыгиной является юбилейным. В 1958 году она была принята в Союз писателей СССР, а значит, с тех пор прошло 55 лет.

От всей души поздравляем Наталью Деомидовну с этими знаменательными событиями. Желаем ей здоровья, бодрости, хорошего настроения и вдохновения для творчества.

«Для писателя книги, как дети,— делится своими мыслями Парыгина,— и хочешь ко всем относиться одинаково, но — нет, есть просто книги, а есть любимые. Если б спросили, каким книгам хочу долгой жизни, назвала бы: «Неисправимые», «Вдова», «Мы с братом», «Судьба врача», «Тульские встречи»... Пусть так и будет! Пусть мечта нашей знаменитой землячки сбудется.

Ее произведения высоконравственны, заставляют думать, мыслить. Они несут свет, тепло и надежду. У таких книг должна быть долгая жизнь.

Сергей Крестьянкин,
член Союза писателей России,
член Союза журналистов СССР и России

МУДРОЕ ВРЕМЯ ТВОРИТЬ
(к 70-летию Александра Хадарцева)

Из двух величайших книг XX столетия, посвященных лично-творческому пути человека,— «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсия Маркеса и «Игра в бисер» Германа Гесса, возьмем эпизод из второй: рассуждения Магистра Игры Йозефа Кнехта о творческой периодичности, синхронной с общей цикличностью индивидуального развития и пути человека в жизни: «*Моя жизнь ... должна стать преступанием пределов, непрерывным восхождением с низшей ступени на высшую, я должен преодолевать и оставлять за собой одно пространство за другим, как музыка раскрывает, проигрывает и завершает одну тему за другой, один темп за другим, не утомляясь, не смыкая глаз, всегда бодрствуя, всегда начеку. Благодаря моим «пробуждениям» я наблюдал, что такие ступени и пространства действительно существуют и что в конце определенного отрезка жизни каждый раз появляется оттенок увядания, желания смерти, но потом все меняется, приходишь к новому пробуждению, новому началу».*

Это и есть суть Кнехтовой *transcendere* — постоянного преступания пределов в творчестве. И почти в унисон мудрому немецкому писателю говорит наш поэт:

*Все ждал, когда шепнет эпоха,
которую в борьбе задел:
«Да, поработал ты неплохо
для мастера витражных дел».*

*Нет, я с борьбой не завязал.
Расслабившись, для новой схватки
готов борец. Его лопатки
никто к коври не прикасал.*

...Наверное, автору этого очерка — именно краткого очерка, но никак не беллетризованной биографии — наиболее просто, но одновременно и сложно писать о творческом пути юбиляра, а путь этот суть переступание служению сразу двум музам: литературе и науке. Последнее еще и с подтекстом организатора научно-образовательного процесса. И все это выходя за узкие, местечково-тульские рамки; того требует широта натуры, творческий потенциал и упомянутая в преамбуле *transcendere*.

Итак, писать просто — по определенному сходству натур и «сослуживцу» по ведомству двух муз: Каллиопе и Урании. А сложно? — Наверное, довлеет стереотип пословицы: близкое лучше видится на расстоянии. Мы же с Александром Агубевичем два десятка лет де-юре и де-факто связаны по научной работе и литературной деятельности. Впрочем, не боги горшки обжигают ...

*Была и кепка-восьмиклинка,
и ватник серый, словно мир,
за голенищем жалась финка,
в кармане — верный друг «Памир».
Спешили мы на мотобазу,
потом на танцы в МТС,
сжигая свой бараний вес,
влюбляясь по второму разу
(в пятнадцать лет!). Был воздух свеж...*

Это о собственном детстве. Таким оно было у всех родившихся в войну или сразу после нее. Вряд ли младенческая память сохранила особые воспоминания о тамбовской деревне Дмитриевке, но дальше — также обычная жизнь «на колесах» в семье военного, боевого офицера: Сахалин с его гарнизонами, Рига, Борисоглебск и уже гражданская — в Беслане и Орджоникидзе — Владикавказе. Здесь-то память цепко держит все увиденное и услышанное, а созревающему литератору, поэту все пойдет впрок, всяко лыко в строку. И сахалинское житье-бытье, и как в Риге семья квартировалась в доме, где проживал (не в загородном особняке!) выдающийся латышский, советский писатель, автор знаменитого «Пятиэтажного города» Виллис Лацис — бессменный председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР — нынешнему президент.

Много что увидел, многое узнал и отложил в памяти.

Наш поэт и ученый вырос и сформировался в советской стране; его жизненный путь до середины пятого десятка лет — это полная иллюстрация бытия того славного времени, когда все успехи человека, его самодостаточность и самоорганизация зависели исключительно от его устремлений, таланта и воли. Не надо было сожалеть, что «родился не в той семье» и что то же медицинское образование получил в периферийном институте, а не экономическое в Гарвардской Высшей школе бизнеса....

Все зависело только от себя самого. Советская жизнь была далека от прокрустова ложа, но и расслабляющей периной не казалась: от каждого по способностям, каждому по труду. Там на практике реализовывался Кодекс строителя коммунизма — переписанные современным языком Заповеди с каменной скрижали, что были вручены на горе Синай пророку Моисею (*Исх., гл. 19, ст. 25*).

А народ проще изъяснялся: как потопашь, так и полопашь. Работа по распределению в Тульской глубинке, в Чернской больнице, служба в армии уже семейным человеком в должности «солдата-врача» — гениальное изобретение советских военкоматов: офицерского-то жалования платить не надо! Но все это добро, с юмором вспоминает Александр Хадарцев в своей автобиографической прозе.

Но вот закончились жизненные:

*Вокзалы — наши микрогорода.
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные прокисшие вагоны.*

Далее становление как врача высокой квалификации, преступление следующих пределов — работа в Тульской областной больнице, заведование отделением, уверенное втягивание в медицинскую науку, сначала по своей пульмонологической специальности, а далее ее системный охват. И параллельно с этим, но ближе ко второй русской смуте XX века заявляет о себе муза поэзии:

*Ученых званий мишура
и поздно звякнувшая лира —
лишь фиговый листок добра,
а не «творение кумира».*

Но прав ли автор? — Поздно ли? Да, если брать на веру слова «горлопанов — главарей», то, может быть, и поздно. Так же кумир 60-х годов Евтушенко скандировал в зале Политехнического музея:

*...До тридцати поэтом быть почетно,
Но срам кромешний после тридцати!*

Но где Евгений сейчас, спустя полвека? Да там же, почитай что и сейчас — поэмы сочиняет... все дело-то в том, что поэзия со времен античности подразделяется на искрометную — прерогативу молодых лет и тяготеющую к творческой философии, для которой «мои года — мое богатство».

*Вся наша жизнь — находки и потери,
двойная суть любого бытия.
Ненайденная дверь — дорожке двери,
Ведущей в истин жалкие края.
Вот этих строк прямое назначенье:
напомнить дней ушедших аромат,
в которых был онегинский уклад,
основой ставших наших увлечений.*

...В веке минувшем, захватившем и начало нынешнего, ни одному поколению не удалось прожить (и сейчас жить) без потрясений такого накала и последствий, что поневоле самый «воинствующий» атеист начинает задумываться о каре Небесной. Непонятно за что — на первый взгляд. Не минуло и нас, детей Великой войны и послевоенных «разгонных» лет. Поначалу смута горбачевщины и начальной ельцинщины манила людей двусмысленным словом «свобода»:

*Кряхтели индюки, взлетая на забор,
в пруду карась плескался хитромудрый,
шуриал дерев проснувшийся шатер...
Так начиналось сказочное утро.*

Кого куда манила? В основном на реализацию семьдесят лет заглушаемого инстинкта частнособственничества, потребительства без меры и сугубого индивидуализма — хуже, чем волчьего, ибо собачий предок суть зверь стайный, в одиночку живет только в зоопарке. Скучно и тоскливо живет.

Но и людям из числа творчески-деятельных хоть на миг, но показалось: и их час пришел ускорить время своей самореализации; в ушах зазвучал лейтмотив свиридовского «Время вперед!» Конечно, человек творческий по определению брезглив к подковерным делам, но почему не использовать смутное время для возможной реализации благих намерений? С властью заигрывать не стоит — можно и заиграться, но подыграть, не теряя лица, даже нужно. В конце концов, деятельная жизнь есть цепь компромиссов; главное, чтобы довлеющая цель не контрастировала с избранными средствами ее достижения. Иначе даже в наше волчье время люди не поймут. И таким братишкой Железняком, перепоясанным поверх бушлата пулеметными лентами, по любой жизни не пройдешь.

Но на то он и человек самодостаточно мыслящий, чтобы очень даже скоро понять зазеркалье наступившего бытия:

*Академики непризнанных академий,
наук непризнанных доктора,
деканы непризнанных факультетов,
кафедр непризнанных профессора —*

*не признают многоумных советов,
стреляющих залпами подлых наветов,
не знают богатства надуманных премий,
им надо работать с утра до утра,
а звания, должности — это мура,
которую квасит в жару мошкара,
пузырную важность рождая при этом.*

Мишура и мошкара отлетели. Есть институты, но нет науки. Есть университеты, но нет образования: одни ЕГЭ и дипломы под копирку. Ибо государству ни науки, ни образование «временно-постоянно» не нужно. Но кто запретит ученому, лишенному лабораторий и надежных учеников, творить свою стезю, создавать свои теории и концепции? — Да никто. А поэзию философской мудрости никаким аналогом «анти-табачного декрета» не отменить. Дерзай и твори, ибо ты мыслишь!

*Листаем неразгаданность страниц,
вонзив в себя итйри громоотводов,
в эпоху недостроенных больниц
и процветанья водочных заводов.
Кумиров сотворив из ничего,
сквозь гам и ор предвыборных кампаний,
предвидя пустоту голосований,
мы верим в наших мыслей торжество!*

Хадарцев Александр
(г. Тула)

PERSONALIA

ТОСТ

Поредели волосы,
    побелели бороды,
поистерлась кожистость
    черных пиджаков.
Но своими мыслями
    мы, как прежде, молоды
и, как прежде, тянемся
    к искренности слов.
Где-то в прошлом гульбища
    в девочках и дамочках,
пьянки до беспульсия,
    ресторанный гам.
В траурных каемочках —
    много наших в рамках
удалились в вечности
    всеприимный храм.
Только обучаемость
    с возрастом снижается,
марши похоронные
    нас не устрашат!
Потому, как в юности,
    кое-кто влюбляется.
Позабыв про семьдесят,
    как про шестьдесят!
До войны рожденные,
    и в войну зачатые,
возрастом равняем,
    но — на молодых!
Вспоминаем армию,
    как шаги печатали,
в сапогах кирзовейших,
    на плацах пустых.
Танцплощадки круглые,
    в горсадах из прошлого.

Презрев опасность малокровья —
врача на помощь не зови!
Болезнь — не дефицит здоровья,
а недостаточность любви!

БЛАГОДАРЕН ТЕБЕ

Благодарен тебе за дожди и туман!
И за горечь осенних дымов благодарен!
И за то, что, когда был от нежности пьян —
падал в тело твое, откровенно нахален!

Благодарен тебе за хрустящий снежок,
припорошивший прошлых ночей неизбывность!
За последний в хрустящую снежность прыжок
и за ищущих глаз показную наивность!

Благодарен тебе за журчанье ручьев!
За расквашенный снег на весенней дороге!
За грачиный в апрельскую будущность зов!
За мимозную желтость цветка-недотроги!

Благодарен тебе за кипенье жары!
И за знойность дыханья песчаной пустыни!
И за близкую дальность зеленой горы!
И за то, что меж нами живет и не стынет!

И дожди, и туман, и хрустящий снежок,
и журчанье ручьев, и жары закипанье —
это просто немеренной нежности срок
в ожиданье судьбы исполненья желанья.

ПРО «ЕЩЕ» И «УЖЕ»

Про «еще» и «уже» — понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что еще — не закончена наша дорога,
что уже — середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом — есть и вопрос, и ответ.
Называется первый период — нормально,
в ожидании дел: «Еще нет!»
Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И еще не проставлены круглые даты,
потому что далек юбилей.

У второго периода — имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».

Это — время отсутствия в жизни покоя,
а название ему — «Уже — да!»
Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты уже различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.
Ты уже познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надежной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,
светишь людям, сгорая свечой...

Ну, а третий период — приходит на взлете,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты — в каждодневной работе.
И название ему — «Еще да!»
Есть еще те, кто любит, но стало их мало,
пусть еще не погашен задор.
Пресыщения жизнью еще не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвертый период — не стоит ломиться —
под названием тупым: «Уже — нет!»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть — протертость еды на обед...

Так что третий период — пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам — не много, не мало, но только — побольше!
И пускай говорят: «Еще да!»

ОПЯТЬ МЕТЕЛИ И ДОЖДИ

Ты говоришь: «Опять метель!»
Я говорю: «Опять дожди!»
Сугробов снежную постель
ты расстилаешь впереди.

Дождем стекаются снега,
вливаясь в океан обид.
Ты мне, как прежде, дорога,
костровый жар — ветрами взбит.

Не стоит яростно в покой
бросаться жизненным комком!
Другая — ты! И я — другой!
А, значит, снова мы — вдвоем.

И, пусть опять метель метет!
И, пусть дожди всюду стучат!
В неясность — прошлое ведет.
Но это — лучше, чем назад!

ТЕКУЩЕЕ ВРЕМЯ

А время вытекает через кран:
из ниоткуда... в никуда... и дальше.
В таком теченье нет ни капли фальши:
то кровь бурлит на днищах новых ран.

Вода струится по стеклу судьбы
потоком необъятного покоя,
но мы не знаем, что это такое,
привыкнув к звукам маршевой трубы.

Как у Дали, висит в пространстве сон,
в котором все настолько ирреально,
насколько скрипка мечется печально,
страда с человеком в унисон.

Так утекает время на разлив:
с журчанием, бесследно, невозвратно,
на желтом солнце лихорадя пятна,
готовящие нам вселенский взрыв.

ЖЕНЩИНЫ И ВРЕМЯ

Духов заморских тень и сладость пудры —
подчеркивали свежий запах тела...
Премудрости далекой Кама-сутры
познать однажды женщина всхотела...
Что отраженье жизни может дать ей?
Из шепота — косынку надевая,
из нежных слов — ласкающее платье,
она стоит у зеркала нагая...

«Что время? Это вечный разрушитель
всего, что на земле живет и тлеет.
Но это самый главный разрешитель
поступкам, от которых сердце млеет.

Вон там морщинка — след ошибок прошлых...
А здесь чуть-чуть полнее, чем хотелось...
Но впрочем — больше качеств есть хороших,
на то она и женственность и зрелость...»

Отметив плюсы, минусы отбросив,
известные самой — не отраженью,
задав себе бесчисленность вопросов,
сама себе находит возраженья...

Уверена — все то же повторится,
и никакой не будет Кама-сутры...

Ни оценить, ни запросто влюбиться
никто не сможет, а наступит — утро...

Но терпких губ пылающая нежность
пульсирует неутоленной жаждой,
желания несбывшегося грешность
быть может и не повторится дважды...

Так где же вы, мужчины из мечтаний,
погрязшие в делах своих постылых?
Поверьте, что в неслышности рыданий —
лишь гордость и укоры наших милых.

Любите их: от сонности — до стона!
Не торопитесь вставить ногу в стремя!
В поспешности исканий — нет резона.
Любите женщин! И отступит время!

КОНЦЕРТ ГЕРГИЕВА В ЦХИНВАЛЕ

С экрана горько плачет осетинка,
не пряча вмиг полученных седин.
В Цхинвале выступает Мариинка,
а значит, — завтра есть у осетин!

Убитые из-под земли восстали
мерцанием оплавленных свечей.
На площади в растерзанном Цхинвале
звучит бессмертной музыки ручей.

Она была понятной, откровенной —
для всех, кто слышать это чудо мог!
Им думалось о самом сокровенном!
С небес сошел непобедимый Бог!

Там Гергиев в величии печали
руками — звуки в гимны собирал.
Хребты домов, руины школ — молчали...
Был город, как один концертный зал!

Пока в сердцах есть ноты сострадания,
вольнлюбивый не сломить народ!
Цхинвал, как город, стерт до основания!
Цхинвал людей — по прежнему живет!

